

Л.Ю. Уварова (Москва, Россия)

Ингеборг Бахман. Магия слова, поэзия и философия

Аннотация: В статье рассматривается творчество Ингеборг Бахман, австрийской писательницы, поэта, чье поэтическое дарование уже более полувека не утрачивает своей притягательной силы, покоряет читателей нетривиальностью своего взгляда на мир, изысканностью и многоплановостью метафорических образов, неповторимостью только ей одной присущих интонаций. Предпринята попытка прикоснуться к тайне неразгаданного таланта, отдавая дань уважения и восхищения огромному мужеству человека, поэта, выразившего разочарования и надежды своих современников, способного сострадать и любить вопреки всему, преодолевая собственную боль и отчаяние.

Ключевые слова: немецкая литература, поэзия в Германии после Второй мировой войны, поэтизация «низких» истин, метафорическая насыщенность, границы языка, мистика молчания, антитеза, оксюморон, двучленные метафоры, утопия языка

L. Yu. Uvarova (Moscow, Russia)

Ingeborg Bachmann. The Magic of a Word, Poetry and Philosophy

Abstract: The article deals with the work of Ingeborga Bachmann, an Austrian writer, poet, whose poetic talent has not lost its attractive power for more than half a century, conquers readers with the non-triviality of her worldview, the sophistication and versatility of metaphorical images, the uniqueness of her personal intonations. An attempt was made to touch the mystery of unsolved talent, paying tribute to the enormous courage of this woman, the poet who expressed the disappointment and hopes of her contemporaries, who was able to sympathize and love in spite of everything, overcoming her own pain and despair.

Key words: German literature, poetry in Germany after World War II, poeticization of “low” truths, metaphorical richness, language boundaries, mysticism of silence, antithesis, oxymoron, two-term metaphors, utopia of language

Ingeborg Bachmann. Вошедшая во все антологии немецкоязычной поэзии XX в., энциклопедии и лексиконы писателей, она остается и поныне одной из самых за-

гадочных фигур в галерее блестящих имен поэтов, несомненно, самой большой величины.

Время ее литературного взлета – суровое время послевоенных лет, разрушенных жестокой войной, когда всем уцелевшим в ней приходилось заново начинать жить, опираясь на первые неокрепшие ростки надежды.

Ингеборг Бахман умела дарить эту надежду другим отчаявшимся, веря в духовность и правду, которые живут в каждом человеке, при всей негуманности и равнодушии общественной системы.

Уже первый ее стихотворный сборник «Отсроченное время» (1953) был отмечен премией «Группы 47» – объединения молодых прогрессивных писателей Германии; позднее Бахман была удостоена других литературных премий, среди них премия потерявших на войне зрение солдат.

Все косное, неживое, лишенное свободы, втиснутое в узкие рамки однозначных суждений, так же как рациональная ограниченность научной философии, неспособной ответить на насущные вопросы реальной действительности, безоговорочно отвергалось ею. Ингеборг Бахман связывала свои чаяния с искусством, поэзией, живым словом нового языка, способным выразить подлинные человеческие переживания, приблизиться к пониманию сокровенных истин бытия, к границам непостижимого.

Голос незвучный, немного монотонный, с грустной трещинкой в тембре, как неясно услышанный музыкальный фрагмент, который невозможно разгадать или повторить. Такая трогательная и незащищенная, одна, рядом некого поставить, интеллектуалка, восхищающая глубиной поэтического воображения и вызывающая недоброжелательность амбициозных завистников.

Ингеборг не было двенадцати, когда в марте 1938 в ее родной мирный Клагенфурт с песнями, отбивая шаг тяжелыми ботинками, вошли фашистские солдаты. Это был тот самый ненавистный Anschluss – аншлюс. Потрясение и ужас, которые разрушили детство и во многом определили ее творческую и человеческую судьбу. Воспоминания, еще не вполне осознанные ребенком, навсегда отпечатались в памяти ни с чем не сопоставимой болью и страхом смерти.

Es hat einen bestimmten Moment gegeben, der hat meine Kindheit zertrümmert. Der Einmarsch von Hitlers Truppen in Klagenfurt. Es war etwas so Entsetzliches, dass mit diesem Tag meine Erinnerung anfängt: durch einen zu frühen Schmerz, wie ich ihn in dieser Stärke vielleicht später überhaupt nie mehr hatte. Natürlich habe ich das alles nicht verstanden in dem Sinn, in dem es ein Erwachsener verstehen würde. Aber diese ungeheure Brutalität, die spürbar war, dieses Brüllen, Singen und Marschieren - das Aufkommen meiner ersten Todesangst. Ein ganzes Heer kam da in unser friedliches stilles Kärnten [Johnson 1984: 32–33].

Zertrümmert – разрушено, детство, превращенное в груды развалин. Может быть, именно это позволило юной Ингеборг Бахман безоговорочно встать по одну сторону с теми, кого Генрих Белль объединит своим манифестом «Литературы развалин» – Trümmerliteratur. Писатели, поэты, они все фронтовики – Heimkehrer, со страшным опытом войны, горьким опытом солдата, который подчинялся приказу и стрелял или не подчинялся, рискуя быть расстрелянным.

Вольфганг Борхерт, Гюнтер Айх, Вольфдитрих Шнурре – Kahlschlag – как удар топора, литература жесткой правды, скупых слов, поэзия с жестяной кружкой и огрызком карандаша в вещевом мешке. «Wir brauchen keine Dichter mit guter Grammatik. Zu guter Grammatik fehlt uns Geduld». Нам не нужны поэты с «бла-

гозвучной» грамматикой. На это нам не хватает терпения. Так формулирует свою гражданскую и творческую позицию Вольфганг Борхерт.

У Ингеборг Бахман другая, своя грамматика, которая тоже не хочет помещаться в рамки предписанных клише или цветистых фраз. Стихи о войне (1953), которая все еще продолжается, принесшие ей ошеломляющую известность. Стихи, о которых так высоко отзывается Генрих Белль, призывая разместить их на стенах школьных классов (*als Wandspruch*) и в учебниках, потому что в стране разрушено, утрачено доверие, человечность, вера, обычное добрососедство. Разрушено по приказу, все по приказу – стрелять, разрушать – *alles auf Befehl – Erschießungsbefehl, Sprengungsbefehl* [Böll 1993: 139–140].

Alle Tage (1953)

Der Krieg wird nicht mehr erklärt,
sondern fortgesetzt. Das Unerhörte
ist alltäglich geworden. Der Held
bleibt den Kämpfen fern. Der Schwache
ist in die Feuerzonen gerückt.

Die Uniform des Tages ist die Geduld,
die Auszeichnung der armselige Stern
der Hoffnung über dem Herzen.

Er wird verliehen,
wenn nichts mehr geschieht,
wenn das Trommelfeuer verstummt,
wenn der Feind unsichtbar geworden ist
und der Schatten ewiger Rüstung
den Himmel bedeckt.

Er wird verliehen
für die Flucht von den Fahnen,
für die Tapferkeit vor dem Freund,
für den Verrat unwürdiger Geheimnisse
und die Nichtachtung
jeglichen Befehls.

В поражающих своими неожиданными метафорами пронзительных строках Бахман полностью разрушает, переворачивает эту привычную, рутинную бесчеловечность насилия, предательства и смерти. Метафорами от противного, поэтизацией того, что большинством лицемерно презирается и не принимается: дезертирство и предательство – *die Flucht von den Fahnen und der Verrat*. Но это предательство мнимых, недостойных ценностей – *der Verrat unwürdiger Geheimnisse*, бегство из-под знамен бесчеловечности, неподчинение приказу убивать. Ее герой не на поле битвы. Наградой (а не наказанием!) за это станет звезда надежды – *der armselige Stern der Hoffnung über dem Herzen* – Вифлеемская ли или, может быть, та желтая, что была меткой позора и унижения человеческого достоинства.

Это очень мужественные, жесткие и одновременно пронизанные глубокой болью слова в своем высоком звучании и щемящем чувстве не стихающей тревоги.

«Die gestundete Zeit» (1953) – стихотворение, которое дает название первому поэтическому сборнику поэта. Это время, остановившееся в безысходной безнадежности, невозможности избавления от страшного прошлого. Для Бахман оно неотвратимо возвращается, оно грядет. Ее грамматика тоже в действии – глаголы в настоящем времени усиливают эффект присутствия:

Es kommen härtere Tage.
Die auf Widerruf gestundete Zeit
wird sichtbar am Horizont.
Bald musst du den Schuh schnüren
und die Hunde zurückjagen in die Marschhöfe.
Denn die Eingeweide der Fische
sind kalt geworden im Wind.
Ärmlich brennt das Licht der Lupinen.
Dein Blick spurt im Nebel:
die auf Widerruf gestundete Zeit
wird sichtbar am Horizont.

Строки, наполненные страшными отметинами жестокого времени, которое не движется, остановилось, как бы утрачивая свой основной неотъемлемый признак непрерывного необратимого хода. Оно необъяснимым, мистическим образом как будто оторопело, застыло на горизонте. Метафорический образ замершего в ожидании времени усиливается повторами – *wird sichtbar am Horizont*, визуализируется. Оно зримо, оно не в прошлом, на плацу еще прогрохочут башмаками те, кому вновь прикажут их шнуровать, и поминальный огонь люпинов – *das Licht der Lupinen* – не греет в туманном холоде отсроченной, но не ушедшей в небытие войны.

Ингеборг Бахман изучает философию в 1945–1947 гг., германистику и психологию в университетах Инсбрука, Граца, в Вене. В 1950 г. она защищает диссертацию, посвященную Мартину Хайдеггеру.

Несомненно, как в лирике, так и в прозе поэта читается то, что формулирует философия экзистенциализма, утверждающая уникальность человеческого существования, обращаясь к духовным поискам человека, обретению им смысла жизни, индивидуальной свободы, реализации творческого начала и, в конечном счете, своего подлинного назначения. Защищая право на свободу как основу подлинно человеческого существования, экзистенциалисты выступали против дегуманизации в общественной жизни, культуре, науке, против массового обезличивания человека.

Девочка, которая в раннем детстве пишет музыку, даже оперу, и через музыку приходит к поэтическому слову, и через войну, навсегда поселившую смертельный страх в ее сердце, не случайно обращается к философии, науке наук, ищет защиты, духовной опоры, ответа на вечные вопросы о смысле жизни в жестоком мире разобщенности и равнодушия.

Мартин Хайдеггер, чьи философские взгляды стали предметом научного исследования Ингеборг Бахман, порывает с рационалистической традицией, подвергая острой критике рационализм современного европейского общества, науку, технику как угрозу порабощения человека.

Однако для Бахман этого недостаточно, она полагает, что с рационализмом нельзя бороться рациональным способом, оперируя понятийным аппаратом науки. Позднее Бахман назовет это в своем неоконченном романе «Малина» – «*Bedeutungswahn, unmenschliche Fixierungen und Festlegungen, Bedeutungswahn durch Namensgebung, Etikettierung und Katalogisierung*». Это то, что несовместимо с истинными человеческими ценностями: навешивание ярлыков, четкая фиксацией, каталогизация, внесение всех и вся в каталоги и реестры. Поместить в раз и навсегда предопределенную ячейку, поставить клеймо, приклеить этикетку с

точным названием – Бахман не может принять этого «безумия смыслов» западной цивилизации [Bachmann 1971: 218].

То, как Бахман представляет в своей работе философскую концепцию Мартина Хайдеггера, во многом расходится с распространенными трактовками его взглядов. Это диссертация о Хайдеггере и против Хайдеггера. Наряду с несовпадениями по отдельным позициям, Бахман предъявляет ему обвинение более серьезного характера: его философские и феноменологические рассуждения она понимает и принимает лишь как эстетические – *ästhetische Tatbestände*, которые не могут претендовать на истину.

Понятие истины по Хайдеггеру – *Wahrheitsbegriff* – осознается Бахман как несостоятельное для осуществления той цели, что для нее важнее всего – выразить словом, *Grunderlebnisse zur Aussage zu bringen*, те основные экзистенциальные переживания, которые составляют основу человеческого существования, предопределяются природой человека, его способностью мыслить, чувствовать, осознанием собственного «Я».

Из диссертации Ингеборг Бахман:

Die Grunderlebnisse, um die es in der Existentialphilosophie geht, sind tatsächlich irgendwie im Menschen lebendig und drängen nach Aussage. Sie sind aber nicht rationalisierbar und Versuche hierzu werden immer zum Scheitern verurteilt sein... Dem Bedürfnis nach Ausdruck dieses Wirklichkeitsbereiches, der sich der Fixierung durch eine systematisierende Existentialphilosophie entzieht, kommt jedoch die Kunst mit ihren vielfältigen Möglichkeiten in höherem Maß entgegen [Bachmann 1985: 116].

Научная философия, к такому выводу приходит Ингеборг Бахман, не справляется со сферой реальных переживаний, пренебрегает ими – *sie vernachlässigt den Wirklichkeitsbereich*. Эту задачу в большей степени решает искусство, поэзия, своими средствами: не рациональное, системно-упорядоченное, а интуитивное и мистическое – сферы, открывающиеся в синтезе искусств, мифологии, литературе и недоступные науке, философии, они не могут быть рационализированы.

В 1953 г. Ингеборг Бахман публикует эссе, посвященное Людвигу Витгенштейну: «Ludwig Wittgenstein – zu einem Kapitel der jüngsten Philosophiegeschichte». Его идеи становятся важным ориентиром всей ее жизни. Разделяя с другими поэтами своего времени скептическое отношение к языку как инструменту диалога человека с человеком, Бахман принимает основной тезис, провозглашенный Витгенштейном и заключающий главный труд его жизни «Tractatus logico-philosophicus» (1921): «Wovon man nicht sprechen kann, darüber muss man schweigen.» То, что вообще может быть сказано, может быть выражено языком. О чем невозможно сказать словами, о том следует молчать.

По Витгенштейну, мир состоит из полностью независимых друг от друга фактов – *Tatsachen*. За пределами совокупности этих фактов он ничто – *Nichts*. Познание есть отражение этих элементарных, независимых друг от друга фактов, которые могут быть единичной истиной. Однако наше познание, опираясь на полученные эмпирическими науками факты, не открывает новой, всеобщей истины, которая бы выходила за пределы единичных истин. Нового смысла не возникает: «Ein neuer Sinn entsteht jedoch bei einem allgemeinen Satz nicht». Философия и логика здесь бессильны, логика лишь инструмент познания. Логика не приводит к новому, всеобщему смыслу, она не выходит за пределы этого мира. Изучение логики есть изучение закономерностей. Однако закономерности не есть объяснение мира [Bachmann 1984: 12–23].

Вслед за Витгенштейном Бахман признает, что в основе всего современного мировоззрения лежит заблуждение – *die Täuschung*, что так называемые законы природы суть объяснения явлений природы. Мир и все, что в нем происходит, не может быть объяснено. Мистическое, непостижимое заключается не в том, каков этот мир – *nicht wie die Welt ist, ist das Mystische*, а в том, что он существует, – *sondern dass sie ist*.

Наше чувство мира как чего-то целостного, имеющего свои пределы возникает оттого, что человек, как метафизический субъект, не является частью этого мира, а есть его «предел». «Gott offenbart sich nicht in der Welt» – *der Weg über die Grenze ist uns verstellt, es ist nicht möglich*. Но выйти за пределы нам не дано, и мы не можем постичь божественного промысла, всеобщего смысла. «Was sich zeigt, ist das Mystische, die unaussprechliche Erfahrung». Мистическое показывается, оно не может быть выражено словами [Bachmann 1984: 22–23].

«Die Sprache kann nur über Tatsachen sprechen und bildet die Grenze unserer -meiner und deiner Welt» – Язык может только сообщать о фактах. Границы моего языка означают границы моего мира.

Молчание для Бахман значимо: это недопущение лжи, пустого, выхолощенного использования языка. Это и невозможность экзистенциального выхода за пределы, отчаянной попытки приблизиться к непостижимому, выразить свои переживания средствами языка.

Одиночество, отчаяние, страх смерти, невозможность вырваться из оков неподлинной жизни – главные экзистенциальные переживания, заставляющие Бахман вопреки всему, вновь и вновь устремляться за пределы этого мира, в надежде на то, что ее назначение – писать, ее опора – новый, живой язык, пока еще не существующий язык-утопия.

Жизнь и смерть рядом всегда, и нет радости, и даже о красоте мира и глаз любимого она говорит «темными» словами. Традиционный для немецкой поэзии, особенно для романтиков, эпитет *dunkel*, который, как бы овеществляясь (субстантивация прилагательного), обретает новые дополнительные смыслы и измерения в одном из самых ярких в своей насыщенной образности стихотворений Ингеборг Бахман.

Dunkles zu sagen (1953)

Wie Orpheus spiel ich
auf den Saiten des Lebens den Tod
und in die Schönheit der Erde
und deiner Augen, die den Himmel verwalten,
weiß ich nur Dunkles zu sagen.

Поэтический язык Ингеборг Бахман настолько неоднозначен (в чем, собственно, и состоит сущностная характеристика поэтической речи), многомерен и неуловим в бесконечных поворотах смыслов, как бы противоречащих друг другу; это всегда контрасты: антитеза, оксюморон, – они в единоборстве, разрушая друг друга, соединяются вновь, поражают новыми гранями языковых превращений.

Vergiss nicht, dass auch du, plötzlich,
an jenem Morgen, als dein Lager
noch nass war von Tau und die Nelke
an deinem Herzen schlief,
den dunklen Fluss sahst,
der an dir vorbeizog.

Ложе, увлажненное утренней росой, и цветок гвоздики, уснувший на груди – там, где сердце, и «темная», таинственная река в грезах уснувшего огибает его своим потоком, и призыв не забыть о том, что однажды было пережито во сне, – своего рода выход за границы этого мира. В этих образах, таких простых и одновременно загадочных, вчитываясь в них еще и еще раз, перестаешь искать логику разума, а толкование символов представляется бессмысленным и примитивным, разрушающим поэзию живого чувства, и ты уступаешь искушению, просто отдаешься чарующей «неровной» метрике стиха, этой невероятной магии слова.

Die Saite des Schweigens
gespannt auf die Welle von Blut,
griff ich dein tönendes Herz.

Имея в виду сформулированное Людвигом Виттгенштейном и так безоговорочно принятое Бахман понимание пределов языка как пределов реального мира, начинаешь угадывать, приближаться к пониманию, не претендуя на единственно возможное толкование этих неоднозначных смыслов, чтобы не «скатиться» в «безумие смыслов» – *Bedeutungswahn*, чего не могла бы нам простить автор этих поэтических строк. Смутно угадываешь, почему это струны молчания и почему звучит только сердце, улавливая мистику невыразимых словом образов. Если хватит воображения визуализировать этот образ, то перехватывает дыхание. Метафорическая перенасыщенность, мистическая образность вытесняют конкретные смыслы, мистифицируют, размывают логику реальности, но вместе с тем не лишают читателя ощущения подлинного переживания, живого чувства.

В этом кроется неразгаданная тайна подлинной поэзии, о которой так много писали и пишут исследователи (см., например: [Кассирер 1990: 41]).

Verwandelt ward deine Locke
ins Schattenhaar der Nacht,
der Finsternis schwarze Flocken
beschneiten dein Antlitz.

Тавтологическое нарастание визуального признака делает его осязаемым, он материализуется, – и этот сгусток, эти овеществленные хлопья мрака вдруг становятся хлопьями снега, снежным (значит ли, что белым?) покровом застилают лик – *beschneiten dein Antlitz*.

Und ich gehör dir nicht zu.
Beide klagen wir nun.
Aber wie Orpheus weiß ich
auf der Seite des Todes das Leben,
und mir blaut
dein für immer geschlossenes Aug.

И уже жизнь определяет мелодию смерти, опять кульбит, поворот, и не к реке или соседнему дому – это всегда перелеты, покрывающие огромные непостижимые разъемы, пропасти, пространства, несовместимые и неразделимые одновременно, как жизнь и смерть, мрак и свет, небеса и преисподняя, как синева закрытых навсегда глаз, всегда контрасты.

То, что определяет человеческое существование в рациональном мире, эта неподлинная жизнь безличного бытия, ставит непреодолимую преграду между человеком и миром природы, полностью уничтожая счастливую, неомраченную естественность существования в мире живой природы. Любви есть место только

в живой природной жизни, где любовь – праздник бытия, где не существует непонимания, разобщенности, мучительных раздумий.

Erklär mir, Liebe (1956)

Der Pfau, in feierlichem Staunen, schlägt sein Rad,
die Taube stellt den Federkragen hoch,
vom Gurren überfüllt, dehnt sich die Luft,
der Entrich schreit, vom wilden Honig nimmt
das ganze Land, auch im gesetzten Park
hat jedes Beet ein goldner Staub umsäumt.
Erklär mir, Liebe, was ich nicht erklären kann:
sollt ich die kurze schauerliche Zeit
nur mit Gedanken Umgang haben und allein
nichts Liebes kennen und nichts Liebes tun?
Muss einer denken? Wird er nicht vermisst?

Происходит переосмысление субъектно-объектных отношений: любовь – драгоценный объект, оберегаемый любящими, то, что связывает близких людей, делающая их счастливыми. Но коммуникация между людьми нарушена. В мире одиночества, отчужденности, неприютности сама любовь силою воображения поэта становится почти реальным, живым собеседником:

Erklär mir, Liebe!
...sollt
ich nur mit Gedanken Umgang haben und allein
nichts Liebes kennen und nichts Liebes tun?

К ней Ингеборг Бахман обращается в поэтическом диалоге, адресует свои вопросы в поисках ответа и пристанища.

Этот диалог – диалог всей ее такой недолгой, трагически оборвавшейся на полуслове жизни. И все же она так много смогла сказать тем, кто сумел услышать. Не умозрительные конструкты, а живое, пронизывающее все ее существо чувство, безудержное стремление вырваться из оков неподлинного существования и косности «плохого», как называет его Бахман, языка. Утопия языка – это мечта, вера в его живительную силу, и потому уже слава и надежда литературы, отрицающей плохой язык обыденной жизни в отчаянном порыве на пути к новому языку.

Из лекций, прочитанных Ингеборг Бахман в зимнем семестре 1959/1960 учебного года студентам университета во Франкфурте на Майне «Литература как утопия»:

Die Literatur aber, die selber nicht zu sagen weiß, was sie ist, die sich nur zu erkennen gibt als ein tausendfacher und mehrtausendjähriger Verstoß gegen die schlechte Sprache – denn das Leben hat nur eine schlechte Sprache – und die ihm darum ein Utopia der Sprache gegenüber, diese Literatur also, wie eng sie sich auch an die Zeit und ihre schlechte Sprache halten mag, ist zu rühmen wegen ihres verzweiflungsvollen Unterwegssein zu dieser Sprache und nur darum ein Ruhm und eine Hoffnung der Menschen [Bachmann 1984: 268].

Может быть, сейчас, как никогда в этом мире, она обретает такую желанную для нее свободу, добытую бесконечной любовью и бесконечной болью, подымаясь за пределы, к свету!

Эти стихи написаны, когда Ингеборг Бахман было восемнадцать.

В июне 2021 года ей исполнилось бы 95. Или исполнится.

«Wovon man nicht sprechen kann, darüber muss man schweigen».

О чем невозможно сказать словами, о том следует молчать.

Nach grauen Tagen (1944)

Eine einzige Stunde frei sein!
Frei, fern!
Wie Nachtlieder in den Sphären.
Und hoch fliegen über den Tagen
möchte ich
und das Vergessen suchen –
über das dunkle Wasser gehen
nach weißen Rosen,
meiner Seele Flügel geben
und, oh Gott, nichts wissen mehr
von der Bitterkeit langer Nächte,
in denen die Augen groß werden
vor namenloser Not.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Bachmann Ing. (1978) Gedichte und Erzählungen. Büchergilde Gutenberg. München. Piper Verlag.
2. Johnson Uwe. (1974) Eine Reise nach Klagenfurt. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag.
3. Bachmann Ing. (1985) Die kritische Aufnahme der Existenzialphilosophie Martin Heideggers: Dissertation / Hrg. von R. Pichl. München: Piper Verlag.
4. Böll H. (1993) Frankfurter Vorlesungen: Deutsche Literatur seit 1945. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag.
5. Bachmann Ing. (1971) Malina. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag.
6. Bachmann Ing. Ludwig Wittgenstein– zu einem Kapitel der jüngsten Philosophiegeschichte. Im: Ingeborg Bachmann. Werke. B. 4. München. Piper Verlag. 1984.
7. Deutsche Literatur Seit 1945. Frankfurt am Main. Suhrkamp Verlag. 1993.
8. Bachmann Ing. Probleme zeitgenössischer Dichtung. Literatur als Utopie. Im: Ingeborg Bachmann. Werke. B. 4. München. Piper Verlag. 1984.
9. *Кассирер Э.* Сила метафоры: Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990 / Cassirer E. (1990) The Power of Metaphor: Metaphor Theory / Ed. by N.D. Arutyunova. Moscow. Progress Publ.

Сведения об авторе:

Людмила Юрьевна Уварова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lyudmila Yu. Uvarova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ludmila@uvarova.net.ru